

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-51-63

УДК 94 (410)

ТАЛАНТ И ТЩЕСЛАВИЕ: КОНФЛИКТ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ, ГЕРЦОГИНИ НЬЮКАСЛСКОЙ¹

Шпак Георгий Владимирович

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия;

Институт всеобщей истории Российской академии наук;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

geo.shpak@gmail.com

Аннотация. На протяжении раннего Нового времени авторы все больше внимания уделяют конструированию собственного образа. Примером может служить творчество Маргарет Кавендиш (1603–1673 гг.), активно использовавшей в своих трудах автобиографические зарисовки, рассуждающей о статусе автора и необходимой оригинальности его сочинений. Современники часто воспринимали ее стремление к оригинальности как проявление тщеславия и лицемерия. В статье будут рассмотрены примеры нарушения М. Кавендиш традиционных литературных форм, ее отношение к статусу индивидуальности и конструирование представления о научном знании как инструменте формирования независимой личности. Эпоха, в которой жила М. Кавендиш, накладывала ограничения как на творческие, так и личностные ее амбиции. В условиях, когда идеи абсолютизма порицались, М. Кавендиш создает свой воображаемый мир, в котором главенствуют один язык, одна вера и один правитель. Посвященных М. Кавендиш исследований на русском языке практически нет, как нет и переводов ее сочинений. При этом в ее работах раскрывается мировоззрение автора, вхожего в интеллектуальные круги своего времени, и прослеживается стремление сохранить свою индивидуальность. С целью решения конфликта личных устремлений и общественных условностей Маргарет создает в сочинении «Пылающий мир» свою собственную реальность и призывает всех активной использовать собственное воображение для трансформации неприглядного мира.

Ключевые слова: Маргарет Кавендиш, «Пылающий мир», личность и общество, интеллектуалы и власть, реставрация Стюартов, научное знание XVII в., кризис ценностей, воображаемые миры.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея "Общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

GENIUS AND VANITY: THE CONFLICT OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE WORKS OF MARGARET CAVENDISH, THE DUCHESS OF NEWCASTLE¹

Shpak Georgii V.

Ural Federal University;

Yekaterinburg, Russia

Institute of World History of Russian Academy of Science;

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

geo.shpak@gmail.com

Abstract. During the early Modern period, the authors pay more and more attention to the construction of their own image. An example is the work of Margaret Cavendish (1603–1673), who actively used autobiographical sketches in her writings, discussing the status of the author and the necessary originality of his writings. Contemporaries often perceived her desire for originality as a manifestation of vanity and hypocrisy. The article will consider examples of M. Cavendish's violation of traditional literary forms, her attitude to the status of individuality and the construction of the idea of scientific knowledge as a tool for the formation of an independent personality. The era in which M. Cavendish lived imposed restrictions on both her creative and personal ambitions. In conditions when the ideas of absolutism were condemned, M. Cavendish creates her own imaginary world, in which one language, one faith and one ruler predominate. There are practically no studies devoted to M. Cavendish in Russian, just as there are no translations of her works. At the same time, her works reveal the worldview of the author, who is part of the intellectual circles of her time, and in works of whom there is a desire to preserve her individuality. In order to resolve the conflict of personal aspirations and social conventions, Margaret creates her own reality in "The Blazing World" and encourages everyone to actively use their own imagination to transform an unsightly world.

Keywords: Margaret Cavendish, "The Blazing World", individual and society, intellectuals and power, Stuart Restoration, scientific knowledge of the 17th century, crisis of values, imaginary worlds.

Цитирование: Шпак Г.В. Талант и тщеславие: конфликт личности и общества в творчестве Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкаслской // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 51–63. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-51-63 / Shpak G.V. Genius and Vanity: The Conflict of the Individual and Society in the Works of Margaret Cavendish, the Duchess of Newcastle, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 2. Pp. 51–63. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-51-63.

© Шпак Г.В., 2023

---

¹ The work was completed with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00488 "The Crisis of Values and the Coping Strategies: The Idea of the 'Common Wealth' in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)".

Конструирование образа автора в его творчестве является важной чертой секуляризации литературного процесса и развития индивидуализма, начало которого связывают с эпохой гуманизма. Тему противостояния художника и «толпы» мы встречаем в письмах Франческо Петрарки (1304–1374), одним из первых моделирующего образ независимого автора, не связанного никакими социально-политическими условностями. В «Письме потомкам» перед нами предстает образ мыслителя, общение с которым является предметом мечтаний для царственных особ. «Петрарка был по своему социальному положению в общем первым в истории “просто” писателем... Первым прославленным и благополучным автором-профессионалом» [Баткин, 1995, с. 22].

В «Письме Цицерону» он заявляет о том, насколько статус автора выше любых званий и как далек автор от низменных потребностей толпы: «Ждешь услышать о своих книгах, какова их судьба среди толпы или среди более просвещенных людей? <...> Слава твоих дел повсеместна и велика, имя громогласно. Но мало изучающих тебя; причиной то ли неблагоприятность времен, то ли сковавшая умы косность и лень, то ли – что, думаю, вернее – склоняющая души к другим увлечениям повадливость» [Петрарка, 2004, с. 320].

В этом контексте выделяется образ Маргарет Кавендиш (1623–1673), конструирующей индивидуальный образ на протяжении всей своей писательской деятельности. При этом она могла конструировать его как в документальном (например, в своей автобиографии), так и вообразимом ключе, как в «Пылающем мире», в котором она создает образ всемогущей императрицы, не ассоциируя себя с ней напрямую, но заявляя в обращении к благородным дамам: «Хотя я не могу быть ни Генрихом Пятым, ни Карлом Вторым, тем не менее я буду стремиться стать Маргаритой Первой и, хотя у меня нет ни власти, ни времени, ни случая стать великим завоевателем, как Александр или Цезарь, и поскольку судьба и случай не позволили мне стать Владычицей Мира, я создала свой Мир» [The Description of a New World..., 1668].

Творчество М. Кавендиш и ее личность вызвали многочисленные дискуссии как у современников, так и у потомков. Одни критиковали ее за эксцентричность и невежество, другие, напротив, отзывались положительно о ее таланте писателя и оригинальности мысли. Мэри Ивлин, супруга писателя Джона Ивлина, в письме преподобному Ральфу Богуну (Ralph Bohun) от 1667 г. пишет: «Ее осанка особенная, фантастическая, не лишенная хорошей формы, которой она действительно может похвастаться. Ее лицо обнаруживает легкость пола, в манере все же убежденной, что заслуживает уважения, невзирая на годы, благодаря бесконечной заботе, которую она проявляет, чтобы уложить свои локоны и кудри. Ее вид превосходит воображение поэтов или описания величия романтических героинь; ее грациозные поклоны, своевременные кивки, вежливое протягивание рук, мерцание глаз и различные жесты одобрения демонстрируют то, чего можно ожидать от ее речи, такой же воздушной, пустой, причудливой и бессвязной, как ее книги, направленные на науку, трудности, высокие понятия, обычно заканчивающиеся чепухой,

богохульством и непристойностями»¹. В письме Маргарет предстает чрезвычайно ветреной и эгоцентричной, заботящейся только о том, какое впечатление она произведет на окружающих. Но создание эпатажного образа и являлось одной из целей Маргарет. Она сознательно нарушала общепринятые нормы, о чем можно судить как по ее текстам, так и по костюмам. Самюэль Пайпс в дневниковой записи от 26 апреля 1667 г. описывает ее так: «по дороге встретили миледи Ньюкасл с ее экипажами (*coaches*) и лакеями, облаченными в бархат. Она была такой, хотя я сам и не видел, какой ее часто описывали, потому что все городские разговоры теперь сводятся к ее экстравагантности. Она была в бархатном чепце, *hair about her ears*; с большим количеством черных мушек (*black patches*) вокруг рта, скрывающих прыщи, с ничем не прикрытой шеей и в черном мужском джастакорпсе» [The Diary of Samuel Pepys, 26 April 1667]. Однако отношение к ней в XVII в. не было столь однозначным. О ней говорили, ее произведения читали, с ней переписывались виднейшие умы того времени. К. Гуйгенс в письме Утрисии Суюнн (*Utricia Swann*)

---

¹ Письмо Мэри Ивлин преподобному Ральфу Богуну (*Ralph Bohun*) от 1667 г.: «Сэр, я обеспокоена тем, что вы вынуждены отсутствовать, когда вы могли бы подтвердить избирательное право ваших товарищей по колледжу и увидеть хозяйку обоих университетских судов; человека, которой, возможно, нет равных в мире, настолько она необыкновенна во всем. Признаюсь, хоть я и знаю ее несколько лет и не была чужда ее славы, я была удивлена, увидев столько экстравагантности и тщеславия в человеке, не запертом в четырех стенах. Ее осанка особенная, фантастическая, не лишенная хорошей формы, которой она действительно может похвастаться. Ее лицо обнаруживает легкость пола, в манере все же убежденной, что заслуживает уважения, невзирая на годы, благодаря бесконечной заботе, которую она проявляет, чтобы уложить свои локоны и кудри. Ее вид превосходит воображение поэтов или описания величия романтических героинь. Ее грациозные поклоны, своевременные кивки, вежливое протягивание руки, мерцание глаз и различные жесты одобрения демонстрируют то, чего можно ожидать от ее речи, такой же воздушной, пустой, причудливой и бессвязной, как ее книги, направленные на науку, трудности, высокие понятия, обычно заканчивающиеся чепухой, богохульством и непристойностями. Ее способ обращения к людям, покорный более необходимого, есть некая общая форма для всех, услужливая, с повторением жеманных, великодушных, милых выражений. Стараясь показать смирение, она вспоминает прошлые дела, чтобы приумножить нынешнее величие и благосклонность друзей. Я застала с ней доктора Чарльтона, который хвалил ее за остроумие и образованность, что она приняла за должное и поклялась, что, если школы не изгонят Аристотеля и не прочитают Маргарет, герцогиню Ньюкаслскую, они причинят ей зло и будут заслуживать полного упразднения. Моей задачей было не столько говорить, сколько восхищаться. Особенно слушать, как она продолжает превозносить свои благородные поступки, величественные сооружения, благородное состояние, огромные потери своего господина на войне, его силу, доблесть, ум, ученость и трудолюбие, — упомянула ли она хоть что-то не ради его или собственной выгоды? Иногда, чтобы дать ей перевести дух, приходил новый поклонник. Затем она, пользуясь случаем, дабы оправдать свою веру, рассказывала о своей религии, столь же новой и непонятной, как и ее философия, цитировала строки и страницы своих произведений и рассказывала о приключениях некоторых из ее нимф. Наконец я устала и пришла к выводу, что существо, называемое химерой, речь о котором я слышала, теперь можно видеть воочию и что пора удалиться, опасаясь заражения. Все же я надеюсь, поскольку она — оригинал, у нее никогда не будет копии. Никогда я не видела женщину столь самодовольную, столь поразительно тщеславную и честолюбивую. Какие противоположные чудеса производит этот век. Эта дама и миссис Филипс! (*Catherine Phillips* — англо-валлийская поэтесса-роялистка, переводчица и писательница. — Г.Ш.) Одна восхищена тенью разума, другая одержима сущностью и незначительностью своего сокровища; и тем не менее люди, считающиеся мудрыми и учеными, не только уравнивают их, но и допускают, чтобы величие одной перевешивало несомненную реальную ценность другой. Вот и все, чем я могу отплатить вам за ваши редкие строки; которые настолько превосходят достоинства человека, которого вы стремитесь описать, насколько, могу вас уверить, это описание не соответствует той даме, с которой я хотела вас познакомить: но она не из расы смертных, и поэтому не может быть определена. М.Э. [Diary and Correspondence of John Evelyn, 1857, p. 8].

пишет: «Я был очарован этой дамой и поздней лекцией о ее чудесной книге, чьи экстравагантные атомы не давали мне уснуть большую часть прошлой ночи в моем скромном уединении, где, с тех пор как ваша милость бывала здесь в последний раз, я соорудил два прелестных кабинета с окнами, выходящими к воде, используя их чаще, чем весь замок Хофвейк, который теперь превратился в могучее и величественное здание, поскольку все в этом мире велико или мало только в сравнении» [Huygens, 1916, p. 187].

Как отмечает Д. Фитцморис, в XVIII в. ее образ был подвергнут упрощению и сентиментализации, а в XIX в., после переиздания написанной ею биографии Уильяма Кавендиша, она стала рассматриваться не только как сентиментальный поэт, но и как писатель, повествующий о высших слоях общества XVII в. [Margaret Cavendish: Sociable Letters, 2012, p. 11].

Однако ее литературные таланты, по существу, начнут анализировать только в конце XX в. Ее произведения станут переиздаваться, а пьесы находить своих читателей. Историки науки рассматривают ее сочинения как источник по естественнонаучному мировоззрению второй половины XVII в., гендерные историки анализируют ее роль в развитии женского авторства, а филологи — влияние ее произведений на предшествующую романам эпоху. Функционируют сайты, где опубликованы произведения Кавендиш, а также научные сообщества, регулярно проводящие конференции, посвященные ее творчеству [Digital Cavendish; Project Vox; International Margaret Cavendish Society].

Хотя на английском языке опубликованы десятки статей и монографий, посвященных М. Кавендиш, в России она остается неизвестной как для широкой публики, так и для специалистов. Имеется всего несколько статей, рассматривающих герцогиню с точки зрения ее гендерного статуса и социальной роли [Буланакова, 2004; Эрлихсон, 2008], но нет публикаций, посвященных ее натурфилософским наблюдениям и творческому методу.

Одна из причин, по которой творчество М. Кавендиш так долго оставалось без внимания, заключена в специфике ее работ, сообщающих о множестве феноменов окружающего мира в форме стихов, пьес и диалогов. Мэри Ивлин, продолжая описывать Кавендиш, замечает: «затем она, пользуясь случаем, дабы оправдать свою веру, рассказывала о своей религии, столь же новой и непонятной, как и ее философия» [Diary and Correspondence of John Evelyn, 1859, p. 8].

Оригинальность М. Кавендиш вызывала осуждение современников, о чем она сама неоднократно писала. В чем же она состояла? Можно начать с того, что ее произведения было сложно отнести к определенному жанру. Нарушение канона было одним из принципов М. Кавендиш. В то же время она не могла не знать о том, какую литературу приемлет образованное общество. Наставник ее супруга, с которым ей доводилось общаться лично, Томас Гоббс, вполне конкретно писал о границах дозволенного в поэзии. В опубликованном в 1651 г. «Ответе на Предисловие сэра

Уильяма Давенанта к «Гондиберту» Гоббс негативно отзывается о привычке поэтов обращаться за помощью к музам, считая это языческим пережитком, оставшимся от древних религий. Не должен поэт полагаться и на вдохновение, то есть на помощь духов, чтобы не уподобиться фокусникам, о которых сообщают, что они, «ошибаясь в обрядах и церемониях своего искусства, вызывают таких духов, которыми не могут управлять по своему желанию» [The Answer of Mr. Hobbes..., 1651, p. 56]. Он пишет: «не могу представить себе никакой иной причины, кроме беспричинного подражания глупому обычаю, из-за которого человек, способный говорить мудро, исходя из принципов природы и собственных размышлений, скорее желает, чтобы его считали говорящим по вдохновению, подобно волынке» [The Answer of Mr. Hobbes..., 1651, p. 57]. Однако именно духи в «Пылающем мире» М. Кавендиш способствуют творческому процессу и созданию новых миров.

Гоббс также призывает ограничить возможность фантазии пределами реальности: «Поэт может выйти за пределы реальных произведений природы, но за пределы воображаемой возможности природы – никогда» [The Answer of Mr. Hobbes..., 1651, p. 57]. Он пишет далее: «Некоторым не нравится вымысел, если он недостаточно смел. И для того, чтобы превзойти старания и возможности природы, они создают непробиваемые доспехи, волшебные замки, неуязвимые тела, железных людей, летающих лошадей и тысячи подобных вещей, которые легко создаст каждый, кто пожелает. Я призываю воздерживаться от этого (не соглашаясь с теми, кто осуждает Гомера или Вергилия) и оспариваю суждения тех, кто думает, что красота поэмы состоит в непомерности вымысла. Ибо как истина есть граница Исторического, так и сходство с истиной есть высший предел Поэтической Свободы. В древности у язычников такие странные вымыслы и метаморфозы были не столь далеки от Символов их веры, как от наших современных, и поэтому не были так неприятны. Теперь Поэт может выйти за пределы действительных произведений Природы; но за пределы, задуманные возможностями Природы – никогда. Я могу позволить географу изобразить в море рыбу или корабль, длина которых, судя по масштабу его карты, будет двести или триста миль, и думать, что это сделано для украшения, потому что это делается вне рамок его предприятия; но когда он изображает таким же образом слона, я тут же расцениваю это как невежество и простое признание Terra incognita» [The Answer of Mr. Hobbes..., 1651, p. 59].

Маргарет делала все в точности до наоборот и населяла свои миры нимфами, людьми-медведями, людьми-птицами и людьми-рыбами, изображала подводные корабли и огненные камни, вспыхивающие при попадании на них воды. Она превозносила роль фантазии и отрицала границы традиции. И хотя ее современники считали, что нет ничего достойнее композиционного подражания классическим образцам, она замечала, что черпает композицию из собственной фантазии. В «Общем предисловии к моим пьесам» (т.е. к собранию ее пьес, опубликованному в 1662 г.) она предостерегает читателя от сопоставления их с предшествующими образцами: «Читатели, не думайте при чтении, / Что мои пьесы только

повторение / Шекспира, Флетчера иль Джонсона с Бомонтом. / У них свои язык, идея, форма. / Латынь не знаю я, и не могу приставить к делу, / Как Джонсон, что ее использовал умело. / Поэтов греческих, латинских не читаю, / А из историков я только Спида знаю. / Сюжет заимствовать у них я не могла, / Все из своих фантазий извлекла»¹.

Однако ее знакомство с античными авторами неоспоримо, хотя она, действительно, не изучала ни греческий, ни латынь и читала авторов в переводах. В «Дружеских письмах» она упоминает и Перикла, и Юлия Цезаря, сведения о которых берет у Плутарха. В письме 147 она пишет: «вы изволили просить меня прислать вам свое мнение о Вергилии и Овидии, которые, по моему мнению, были лучшими поэтами...» [Margaret Cavendish: *Sociable Letters*, 2012, p. 156]. В письме 162 она говорит о своей симпатии к авторам прошлого еще более конкретно: «Мадам, помните, как-то раз, когда мы были совсем юными девушками, мы обсуждали любовников и сговорились признаться, кто любил нас и кого любили мы. Я призналась, что была влюблена в трех мертвецов, умерших задолго до меня. Первым был Цезарь, которого я любила за его доблесть, вторым – Овидий, за его Остроумие, а третьим был наш соотечественник Шекспир, которого я любила за его комические и трагические настроения (humour)» [Margaret Cavendish: *Sociable Letters*, 2012, p. 173].

Она одна из первых, кто критически разбирает драмы Шекспира, обращая при этом внимание не только на высшие круги, но и на прислугу. Справедливое отношение к низшим слоям является для нее важной характеристикой благородства. В сочинении «Пылающий мир» центральный персонаж, наделенный всеми признаками автопортрета герцогини, на упрек в тщеславии отвечает, что она «абсолютно не принимает во внимание порицания этого или любого иного века в отношении тщеславия, но, продолжала она, ни настоящий, ни какой-либо из будущих веков не смогут заявить, что я не добродетельна и не справедлива, поскольку я уверена, все мои знакомые и слуги, которые когда-либо у меня были, смогут поклясться, что все мои действия были добродетельны» [The Description of a New World..., 1668, p. 150]. В текстах она формирует представление о том, что личное достоинство и интеллектуальный уровень более значимы, чем социальный статус. В письме 109 она, подобно Ф. Петрарке, сетует на то, сколь ограничен круг читателей, осознающих замысел автора: «Мудрые и Знающие, действительно, составляют весь Мир Людей, остальные – только отродья, как чувствительные личности (*Sensual Persons*), т.е. полулюди – полужвери, или невежественные люди, то есть полулюди – полукамни, более того, по большей части они на три части звери или камни, и только на одну – люди. Таким образом, среди всех творений природы настоящие люди – самые скудные, самые редкие, как и самые превосходные творения

---

¹ But Noble Readers, do not think my Playes, / Are such as have been writ in former daies; / As Johnson, Shakespear, Beaumont, Fletcher writ; / Mine want their Learning, Reading, Language, wit: / The Latin phrases I could never tell, / But Jonson could, which made him write so well. / Greek, Latin Poets, I could never read, / Nor their Historians, but our English Speed; / Nor could not steal their Wit, nor Plotts out take; / All my Playes Plots, my own poor brain did make [A General Prologue to all my Playes, 1662].

в природе. Вот почему самые выдающиеся творения природы не вызывают восхищения у большинства»¹.

В 1644 г., после поражения роялистов при Марстон-Муре, Маргарет, которая в это время была фрейлиной (*maid of honor*) Генриетты Марии, отправляется вместе с королевой в Париж, где знакомится со своим будущим мужем Уильямом Кавендишем. Маргарет выйдет за него в конце 1645 г. Благодаря Уильяму Маргарет знакомится с передовыми интеллектуальными кругами своего времени, оказываясь в компании таких завсегдатаев «Кавендишского кружка», как Томас Гоббс, Кенелм Дигби и Уолтер Чарлтон, Рене Декарт, Пьер Гассенди и пр. Однако, о чем можно судить по ее письмам, далеко не все находили ее участие уместным.

Сохранились как воспоминания о ее личных встречах с философами, в том числе присутствие 30 мая 1667 г. на собрании Английского королевского общества, так и письма: три письма Уолтера Чарлтона с положительной оценкой ее философии, письма с благодарностями за подаренные издания от Кенелма Дигби, Томаса Гоббса и Генри Мора и пр. В «Эпиллоге к моим философским взглядам»,

---

¹ Письмо 109. В своем последнем письме вы были рады сообщить мне, что показали Л.С. восхитительные работы (*the Admirable Works*) А.Б. и он не восхитился ими, что было признаком того, что он их не понимал. Несомненно, в мире так мало понимания, что если бы мир человечества был разделен на четыре части, то три с половиной четверти были бы невежественными болванами. Это является причиной того, что редкие качества, науки, любопытные искусства и божественные фантазии больше не почитаются и не служат объектом восхищения. Ведь если бы понимание было всеобщим, люди гонялись бы, искали и зывали, чтобы увидеть Того единственного, кто обладает изобретательностью, чтобы творить искусства или открывать новые науки, обладающего даром поэзии или глубокими представлениями о философии. Но это превосходит способности большинства, а будучи вне их способностей, не может привести к удовольствию или наслаждению и, следовательно, не почитается ими. Что касается доказательств, то пусть самые избранные стихи или какая-нибудь глубокая философия будут прочитаны нескольким людям. Расскажите им о какой-нибудь новой науке или покажите им какое-нибудь любопытное или полезное искусство, и по тому как они зевают, мычат, хрипят, плюются или сидят, как если бы они были статуями, лишены жизни или смысла, вы бы поняли, как они утомлены; но прочтите им что-нибудь, что они понимают по своей звериной природе, какую-нибудь чепуху, бессмысленную песню или сценку или тому подобное, хотя в этом не будет ни остроумия, ни смысла, и вы услышите их громкий смех или похвалы. Они готовы будут поклоняться, что никогда не слышали ничего лучше, и будут хвалить автора за остроту ума. Покажите им какое-нибудь тщетное или бесполезное искусство, и они восхитятся им, даже если это будет всего лишь стеклянное кольцо, и будут удивляться, как оно изобретено, и восхищаться изобретателем как человеком великого ума, но, если это изделие редкое или приносящее пользу, они отнесутся к нему пренебрежительно и отведут свои взгляды в сторону — не из зависти, а из невежества. Поэтому, мадам, теми, кто хорошо квалифицирован и остроумен, восхищаются лишь немногие, то есть мудрые и знающие, и эти немногие стоят остальных, ибо Мудрые и Знающие, действительно, составляют весь Мир Людей, остальные — только отродья, как чувствительные личности (*Sensual Persons*), т.е. полулюди — полужвери, или невежественные люди, то есть полулюди — полукамни, более того, по большей части они на три части Звери или Камни, и только на одну — люди. Таким образом, среди всех творений природы настоящие люди — самые скудные, самые редкие, как и самые превосходные творения в природе. Вот почему самые выдающиеся творения природы не вызывают восхищения у большинства, так что неудивительно, что Л.С. не оценил и не похвалил труды А.Б. Но, мадам, вы не только видели и читали их, но и одобрили и похвалили их, что является достаточной наградой его изобретательному уму и честью его личности, а также честью всех тех, кого вы считаете достойными вашей благосклонности, какой я, хотя и наименее достойная, но постараюсь стать, чтобы вы не стыдились признать меня, Госпожа, Вашей верной и смиренной слугой [Margaret Cavendish: *Sociable Letters*, 2012, p. 117].

опубликованном в «Философских и физических мнениях» (1655 г.), Маргарет сообщает о своем опыте общения с Рене Декартом: «Некоторые говорят, что моя книга по философии является результатом бесед с Декартом или магистром (*master*) Гоббсом или является ответом на их труды (*studies*), я не могу отрицать, что мне доводилось встречаться с обоими, но, признаться, я никогда в жизни не общалась с господином Декартом и никогда не понимала его речи, ибо он не говорил по-английски, а я не понимаю ни одного другого языка, и в те времена, когда я видела его, а он дважды обедал с моим лордом в Париже, он показался мне наиболее немногословным человеком из всех, кого я когда-либо знала» [An Epilogue to my Philosophical Opinions, 1655]. Маргарет отвергает любые упреки в подражании и стремится не просто войти в научные круги, но и стать творцом собственного направления в науке. В своих работах она оспаривает логику Аристотеля, герметизм Келли и Ди, дуализм Декарта, материализм Гоббса, эмпиризм Бойля и Гука, разрабатывая собственную систему, которую иногда называют радикальным натурализмом или крайней формой витализма.

Она превозносит знание и мудрость и статус *man of learning*. В обращении к профессорам всех наук и искусств, включенном в «Дружеские письма», она пишет: «И хотя я не являюсь ученой (*I have no learning*), все же позвольте мне восхищаться учением и желать, чтобы я была членом вашего Общества, ибо, конечно, будь я Императрицей Мира, я бы продвигала вперед тех, кто обладает наибольшим знанием и умом, благодаря чему, как я полагаю, Земля предпочла бы стать Небесами, поскольку и люди, и правительство были бы такими же Небесными, ибо я уверена, что Мудрость и по большей части Добродетель присущи тем, кто являются мастерами учения (*Masters of Learning*) и наделены острым умом»¹.

В своих произведениях Маргарет Кавендиш последовательно заявляет о собственной оригинальности и конструирует образ независимого мыслителя. Многие из опубликованных при ее жизни изданий будут включать фронтиспис с ее портретом и автобиографические сведения. В «Пылающем мире» уже упоминавшийся выше персонаж герцогини, в котором она изобразила себя, так выражает ее точку зрения: «Я стараюсь, сказала она, быть настолько необычной, насколько могу, ведь считается, что подражать другим низко. Хотя я не люблю, когда мне подражают,

---

¹ ПРОФЕССОРАМ Всех Наук и Искусств. Известнейший ученый, я хотела бы писать так мудро, остроумно, красноречиво и методично, чтобы быть достойной вашего прочтения, но, если кто-либо из вашей благородной профессии снизойдет до того, чтобы читать мои работы или хотя бы их часть, умоляю, примите во внимание мой пол и происхождение, и они полностью оправдают те недостатки, которые неизбежно будут обнаружены в моих работах. И хотя я не являюсь ученой (*I have no learning*), все же позвольте мне восхищаться учением и желать, чтобы я была членом вашего Общества, ибо, конечно, будь я Императрицей Мира, я бы продвигала вперед тех, кто обладает наибольшим знанием и умом, благодаря чему, как я полагаю, Земля предпочла бы стать Небесами, поскольку и люди, и правительство были бы такими же Небесными, ибо я уверена, что Мудрость и по большей части Добродетель присущи тем, кто являются мастерами учения (*Masters of Learning*) и наделены острым умом. И именно таким людям я предлагаю свои работы, хотя они и будут осуждены на алтаре их порицания (*censure*), удовлетворившись честью, что они стали достойными осуждения. Таким образом, независимо от того, будут мои работы жить или погибнут, я остаюсь Вашей Службой М.Н. [Margaret Cavendish: Sociable Letters, 2012, p. 7].

если я могу избежать этого, тем не менее, вместо того чтобы подражать другим, я предпочла бы, чтобы другие подражали мне, ибо такова моя природа. Лучше я окажусь плоха в оригинальности, чем хороша в подражании» [The Description of a New World..., 1668, p. 149]. При этом оригинальность должна быть не только в форме произведения, но и в содержании философии. В уже упоминавшемся Эпиглоге мы читаем: «умоляю моих читателей быть столь милосердными и справедливыми, чтобы не хоронить мои сочинения в памятниках других писателей, а если их и похоронят, то в их собственном прахе или в забвении, ибо я предпочитаю скорее быть забытой, чем навязывать кому-то знакомство или втираться в чужую компанию, хвалиться добытыми милостями, принимать незаслуженные дары, лгать благородным благодетелям или воровать, хотя бы я была уверена, что это воровство никогда не будет обнаружено и позволит мне жить вечно» [An Epilogue to my Philosophical Opinions, 1655].

Далеко не всегда ее оригинальность принимается благосклонно. Например, ее пьесы подвергались критике, в том числе за нарушение устойчивых жанровых традиций. М. Кавендиш так пишет в «Пылающем мире» о своих пьесах: «я предназначала их для сцены, но остроумцы наших дней осудили их как негодные к постановке на сцене, потому что они не были составлены в соответствии с правилами искусства, хотя я осмелюсь сказать, что их описания (*descriptions*) так же хороши, как и все, что написали они» [The Description of a New World..., 1668, p. 153].

Таким образом, на протяжении всего творчества М. Кавендиш мы встречаем идею противостояния индивидуальности автора и общественных условностей. Выход из сложившегося конфликта для Маргарет очевиден. Если она не может стать императрицей и перестроить под себя реальный мир, она создаст мир в своем воображении и будет править им так, как ей заблагорассудится. В «Пылающем мире» описан процесс подобного сотворения: «Сначала она решила устроить его в соответствии с концепцией Фалеса, но обнаружила, что демоны не дают ей действовать самостоятельно, заставляя подчиняться их приказам и командам, чего она делать не желала. Она перестала создавать мир таким и начала творить его в соответствии с учением Пифагора, однако при сотворении его была так озадачена числами и тем, как упорядочить и составить его части, что, не имея навыков в арифметике, была вынуждена также воздержаться от создания этого Мира» [The Description of a New World..., 1668, p. 98]. Она последовательно отменяет концепции, предлагаемые античными мыслителями Платоном, Аристотелем, Эпикуром и переходит к современным ей концепциям Декарта и Гоббса. В конце концов она решает отказаться от попытки подражать кому-либо и создает свой собственный мир, «состоящий из чувственной и разумной самодвижущейся материи». Возможность создания собственного мира позволяет ей реализовать в нем те замыслы, которые представляли для нее затруднение в реальности — вплоть до театра, созданного специально для постановок ее пьес.

Маргарет Кавендиш предстает в «Пылающем мире» не просто оригинальным автором, но создателем своего собственного мира, безраздельной правительницей

которого она является. В эпилоге она напишет: «Если кому-то придется по вкусу созданный мной Мир и он пожелает стать моим подданным, он может вообразить себя таковым и быть таковым, я имею в виду, в своем уме, фантазии или воображении. Но если кто-то не желает быть моим подданным, они могут создавать свои собственные Миры и управлять собой, как им заблагорассудится» [The Description of a New World, 1668, p. 160].

Таким образом, в творчестве Маргарет Кавендиш можно выделить ряд «точек натяжения», в которых личности автора приходится противостоять судьбе, общественным условностям, литературной традиции, общепризнанным научным концепциям и пр. Именно за счет фиксации и детализации этих конфликтов и формируется индивидуальный образ независимого мыслителя, по крайней мере в тексте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баткин Л. Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание в письмах поэта. М.: РГГУ, 1995. 184 с.

Буланакова М.А. Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального статуса знатной женщины // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. 2004. № 8. С. 460–495.

Петрарка Ф. Письма. Пер., послесловие, комментарий В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2004. 620 с.

Эрлихсон И.М. В поисках утраченного эдема: «Блестящий мир» монархического рационализма Маргарет Кавендиш и торжество разума в «Государствах луны» Сирано де Бержерака // *Рязанский историк*. 2008. № 7. С. 64–74.

A General Prologue to all my Playes. Playes Written by the Thrice Noble, Illustrious and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed by A. Warren, 1662. 679 p.

An Epiloge to my Philosophical Opinions. The philosophical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye, 1655. 174 p.

Diary and Correspondence of John Evelyn. Ed. by William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. 469 p.

Digital Cavendish. URL: <http://digitalcavendish.org/> (дата обращения – 20 сентября 2022 г.).

Huygens C. *Briefwisseling*. Deel 5: 1649–1663. Ed. by J.A. Worp. Den Haag, 1916. 720 p. International Margaret Cavendish Society. URL: <https://www.margaretcavendishsociety.org/> (дата обращения – 29 сентября 2022 г.).

Margaret Cavendish: Sociable Letters. Ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Project Vox. URL: <https://projectvox.org/cavendish-1623-1673/> (дата обращения – 16 сентября 2022 г.).

The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert. Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant. London: Printed for John Holden, 1651. 243 p.

The Description of a New World, Called the Blazing-World. Written By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princesse, the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1668. 160 p.

The Diary of Samuel Pepys, Friday 26 April 1667. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/04/26/> (дата обращения – 25 сентября 2022 г.).

REFERENCES

Batkin L. *Petrarka na ostrie sobstvennogo pera. Avtorskoe samosoznanie v pismah poeta* [Petrarch at the point of his own pen. Author's self-consciousness in the poet's letters]. Moscow: RSUH Publ., 1995. 184 p. (in Russian).

Bulanakova M.A. Literaturnaja biografija ledi Margaret Kavendis, gercogini Njukasl: osobennosti organizacii socialnogo statusa znatnoj zensiny [Literary biography of Lady Margaret Cavendis, Duchess of Newcastle: features of the organization of the social status of a noble woman], in *Adam i Eva. Almanah gendernoj istoriju*. 2004. No. 8. Pp. 460–495 (in Russian).

Petrarka F. *Pis'ma* [Letters]. Trans., commentary by V.V. Bibihin. St. Petersburg: Nauka, 2004. 620 p. (in Russian).

Èrlihson I.M. V poiskah utracennogo edema: "Blistajusij mir" monarhiceskogo racionalizma Margaret Kavendis i torzestvo razuma v "Gosudarstvah luny" Sirano de Berzeraka [In Search of the Lost Eden: Margaret Cavendis Monarchist Rationalism's "Blazing World" and the Triumph of Reason in Cyrano de Bergerac's "The States of the Moon"], in *Rjazanskij istorik*. 2008. No. 7. Pp. 64–74 (in Russian).

A General Prologue to all my Playes. Playes Written by the Thrice Noble, Illustrious and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed by A. Warren, 1662. 679 p.

An Epiloge to my Philosophical Opinions. The philosphical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye, 1655. 174 p.

Diary and Correspondence of John Evelyn. Ed. by William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. 469 p.

Digital Cavendish. Available at: <http://digitalcavendish.org/> (accessed 20 September 2022).

Huygens C. *Briefwisseling*. Deel 5: 1649–1663. Ed. by J.A. Worp. Den Haag, 1916. 720 p.

International Margaret Cavendish Society. Available at: <https://www.margaretcavendishsociety.org/> (accessed 29 September 2022).

Margaret Cavendish: Sociable Letters. Ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Project Vox. Available at: <https://projectvox.org/cavendish-1623-1673/> (accessed 16 September 2022).

The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert. Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant. London: Printed for John Holden, 1651. 243 p.

The Description of a New World, Called the Blazing-World. Written By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princesse, the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1668. 160 p.

The Diary of Samuel Pepys, Friday 26 April 1667. Available at: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/04/26/> (accessed 25 September 2022).

Статья принята к публикации 18.02.2023